

18+

ВИКТОР УЛИН

НИНА

10 лет

Виктор Улин

Нина. 10 лет

«Издательские решения»

Улин В.

Нина. 10 лет / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605891-0

Жизнь героя этой книги в определенный момент разделилась и пошла по двум параллельным плоскостям. В одной он оставался разумным мужчиной, семьянином и карьерным человеком. Другую составляла связь с женщиной, которая возникла из молодости и сопровождала всю зрелость. Но ничего на свете не бывает неизменным. Остается лишь гадать, чем все закончится, когда по неясным причинам оборвется эта вторая жизнь.

ISBN 978-5-00-605891-0

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

I		6
	1	6
	2	7
	3	8
	4	10
	5	11
II		13
	1	13
	2	14
	3	17
	4	18
	Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нина 10 лет

Виктор Улин

А.М.С-вой

Дизайнер обложки Виктор Улин
Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023
© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023
© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5891-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«А мы вчерашние, и ничего не знаем,
потому что наши дни на земле тень».*

(Иов. 8:9)

I

1

– А как ты вообще живешь? – спросил Волков, размешивая сахар в кофе.

– Вообще?..

Антонина Максимовна пожала плечами.

– ...В целом нормально.

– Я помню, у тебя были жилищные проблемы?

– Было дело. Не проблемы, а дурдом, – она вздохнула. – Сейчас вроде как решилось. Дочка съехала, квартиру взяли по ипотеке. Остались вдвоем с мамой. Тишина и покой. Можно жить.

Волков вздохнул.

К своим родителям он относился неплохо, но жизнь с ними была бы мучением.

Стариков Волков не любил еще сильнее, чем детей.

Даже самый гадкий ребенок мог рано или поздно повзрослеть, а старики с годами делались только дурнее.

– Можно жить, – повторила Антонина Максимовна, глядя куда-то мимо.

Он прикинул, сколько лет собеседнице.

Самому Волкову недавно исполнилось сорок, Антонина Максимовна была старше на шестнадцать лет. В итоге получалось пятьдесят шесть.

Следовательно, матери было лет восемьдесят.

Жить вдвоем со старухой, вероятно, оказывалось не лучшим из уделов.

Однако было еще хуже, когда рядом обитали тридцатилетняя дочь, зять-татарин и то ли внук, то ли внучка.

– Твой бывший не достает? – спросил Волков.

– Нет. Не знаю даже, жив ли. В общем, я свободная женщина.

Свободная женщина улыбнулась, но это получилось невесело.

2

Когда-то они сильно дружили.

На химическом факультете, где Волков остался ассистентом после окончания, Антонина Максимовна работала лаборанткой.

Несмотря на разницу возрастов, он обращался к ней на «ты»: «выканье» прибавляло женщине ненужных лет.

Лаборантка почему-то не любила своего имени, предпочитала сокращенное «Нина».

Весь институт величал ее Ниной Максимовной; лишь Волков знал, что Нину зовут Антониной.

За чаем, который на кафедре не переводился, они вели бесконечные беседы; порой обсуждали даже то, что традиционно находится под табу.

В «бальзаковском» возрасте Антонина Максимовна оставалась привлекательной.

Иногда откровенность доходила до предложения заняться реальным сексом.

Антонина Максимовна краснела, отмахивалась возмущенно, но Волков чувствовал, что ей приятно.

При том сам он даже не думал, что случилось бы, согласись подруга на нескромное предложение.

Слова вылетали шутливо, однако в каждой шутке имела доля правды.

Уйдя из института, Волков порвал связи, ни разу туда не заглянул, забыл отчества бывших коллег.

Антонину Максимовну он тоже не видел бог знает сколько лет.

Сегодня, возвращаясь с делового визита, Волков столкнулся с нею в аптеке, куда заехал за «Колдрексом» для простудившейся жены.

Старая подруга покупала лекарства с неизвестными названиями.

Случайная встреча обрадовала: Антонина Максимовна осталась одной из немногих приятных крупниц прежней жизни.

Имея вольный график, он предложил зайти куда-нибудь и поговорить.

3

– А ты, Юра, как? – спросила она, не притрагиваясь к кофе. – Хотя, наверно, можно не спрашивать. Все у тебя нормально, сразу вижу.

– Именно так, – Волков кивнул. – Более чем нормально. Ни минуты не пожалел, что ушел из богадельни. Был, конечно, период ломки и тряски, без этого никак...

Антонина Максимовна несколько раз кивнула.

– ...Но удалось пережить. Теперь должность, зарплата, машину вот недавно поменял.

– Жена, дети? Тоже все нормально?

– Нормально.

– А со здоровьем?

– Со здоровьем у меня всегда было все в порядке, – он усмехнулся и спросил в ответ, уловив ожидаемое: – А у тебя, Нина?

Вопрос был излишним.

За время, что они не виделись, Антонина Максимовна как-то угасла.

Она была без маникюра и макияжа, в давно не крашенных волосах некрасиво сияла седина.

И лицо, по-прежнему миловидное, казалось потускневшим.

– Какое здоровье может быть в моем возрасте? Я...

– Какой еще «твой возраст»?! – перебил он. – Нина, прекрати. Ты прекрасно выглядишь, и...

– Ври больше, – перебила теперь Антонина Максимовна. – В зеркало смотрюсь иногда.

Волков больше не стал возражать.

Собеседница не заслуживала глупых комплиментов.

– Знаешь, Юра... – она вздохнула. – Пока работала – держалась, как вышла на пенсию – понеслось.

– Так ты на пенсии? неужели?

– Да. Стукнуло пятьдесят пять, сразу и ушла. Надоело ездить через весь город, каждый день час туда, час обратно. Да и настроение стало какое-то не такое.

– Не такое настроение – атрибут текущего времени.

Он тоже вздохнул.

Жизнь – несмотря на успехи и благополучие – постепенно переставала радовать.

Виной была суета, без которой не удавалось держаться на должном уровне.

– Теперь как начала болеть – так и не перестаю. Лекарств все больше, а толку все меньше...

– А что ты хочешь? – вставил Волков. – Известный факт: чем больше лечишься, тем сильнее болеешь.

Жена была врачом; он знал ее мнения.

– ...Вот опять навывисывали кучу всякой дряни, грохнула сразу полпенсии. И не верится, что помогут. Полный тупик.

– А что с тобой? – уточнил Волков, хотя не выносил разговоров о болезнях. – Сердце или суставы?

– И сердце и суставы и прочее по полному списку. Взять учебник анатомии и пролистать, везде галочки поставить. Врачи говорят – все из-за одного. Самого главного.

– Главное – это нехватка денег, – опять не удержался он. – Если они есть – все хорошо. Если нет – аптраган.

– Ты смеешься, а я серьезно.

– Ну, а если серьезно – что тогда самое главное?

– Мне не хватает мужских гормонов.

– Мужских гормонов?

– Ну да. Я же одна живу.

– Я знаю, Нина, знаю.

– То-то и оно, – Антонина Максимовна покривилась. – В таблетках толку нет, только толстею от них. Скоро в дверь не пролезу.

– А зачем таблетки? Не проще ли найти мужчину, который накачивал бы тебя этими... гормонами?

В последней фразе не содержалось ни пошлости, ни намека.

Разговор сам по себе соскользнул на одну из некогда привычных тем.

В прежние времена они обсуждали даже позы, в которых Антонина Максимовна могла получить удовольствие с мужем, тогда еще не выгнанным.

Вопрос вырвался легко.

Еще легче прозвучал ответ:

– Но, пардон, где мне взять мужчину? Подать объявление на Авито: «*Ищу человека, который станет регулярно накачивать гормонами*»?

– Не обязательно. Существуют датинговые порталы – ну, сайты знакомств. Можно выйти туда, найти кого-нибудь подходящего.

– Юра, Юра... – грустно улыбнувшись, Антонина Максимовна протянула руку через стол, коснулась его ладони.

Волков вздрогнул.

В прошлом между ними было все не так просто.

4

Домашние пирожки, которыми угощала Антонина Максимовна, оставались невинной, почти материнской заботой.

Однако правы психологи, утверждающие, что в основе отношений между противоположными полами лежит сексуальный интерес, даже если он и не осознается.

С женщиной, не вызывающей невнятных желаний, Волков не пил бы чай ежедневно, довольствовался бы буфетом.

Несколько раз интерес прорывался.

До определенной поры в институте теплились отголоски советских времен: состоялись вечеринки, приуроченные то к праздникам, то к чьему-нибудь дню рождения.

После быстрой закуски и возлияний начиналась свободная часть.

В большом холле приглушали свет, запускали магнитолау.

Танцевать никто не умел, просто топтались под музыку.

При любом начале Волков оказывался накрепко привязан к Антонине Максимовне.

В институте хватало более молодых женщин и даже девиц-аспиранток, но его интересовала лишь зрелая лаборантка.

Они переминались в самом темном углу.

Под ладонью осязалась застежка бюстгалтера на спине Антонины Максимовны, ее большая грудь теснила сквозь рубашку. Томимый нешуточным желанием, он прижимался к ее животу.

Оба понимали состояние, ничего не скрывали друг от друга.

Поведением двигал алкоголь, снимающий границы.

Но дальше нескромных прикосновений дело не шло.

На следующий день все забывалось, за чаем ни о чем лишнем не вспоминали.

Тогда такие отношения виделись разумными.

Сейчас показалось, что во времена, когда оба были моложе, следовало хотя бы поцеловаться где-нибудь на черной лестнице.

5

– ... Думаешь, это так легко? Мужчины сейчас разборчивы...

Антонина Максимовна без нужды поправила волосы.

На плече просвечивала бретелька бюстгалтера – черного под белой блузкой.

– ... К тому же это раньше я была такая белая и пушистая. А кому нужна старая брюзгливая баба?

– Нина, ты не старая и не брюзгливая, – Волков покачал головой. – Ничего не понимаешь в мужском взгляде на женщин.

Кофе остыл, последний глоток показался неприятным.

– Ты прекрасно знаешь, что я всегда тебя хотел.

– Это было давно.

– Ну и что? – возразил он. – До сих пор тебя хочу.

Последнее было неправдой.

Нынешняя Антонина Максимовна не вызывала желаний, к ней ощущалась только жалость.

– Хочу, – повторил Волков, не зная, зачем.

– Не ври.

– Не вру.

– Врешь.

– Зачем мне врать?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Тебе видней.

Слова летели с разных сторон, горошинами падали в одну и ту же воронку.

– Нина, я тебе еще сто лет назад предлагал потрахаться, – добавил он. – Да только ты не соглашалась. Сейчас пришел момент.

– Момент?

– Да. Тебе нужны мужские гормоны и я тебе могу их дать.

– Юрка, ты шутишь.

– Шучу, шучу, – подтвердил Волков. – Извини за глупую шутку.

В самом деле, подобными вещами можно было лишь шутить.

– А мне показалось, не шутишь.

– Не шучу.

– Или шутишь?

– Или шучу.

– А я не знаю, шутишь или не шутишь.

Горошины не останавливались, смысл наполнялся содержанием.

Кажется, Антонина Максимовна сама не понимала, что ищет в его словах.

Волков почувствовал, что шутки в сказанном меньше, чем когда бы то ни было.

– Раз показалось, значит – не шучу. Потому что...

– Значит, не шутишь, – сказала она и слегка порозовела. – Ладно, я согласна. Лечи гормонами

Последнее воспринималось игрой.

– Ну и когда же... Будем тебя... лечить?

– Когда угодно. Я ж на работу не хожу. И месячные у меня прекратились, ничего не страшно.

– Можем поехать хоть прямо сейчас.

– А ты что, можешь отлучиться с работы?

Вопрос прозвучал серьезно.

– Я могу на нее вообще не возвращаться, – ответил Волков. – Я замдиректора по очень важным вопросам. Меня никто не контролирует от звонка до звонка.

– Сегодня не получится. Подругу в гости жду, придет показать нового ухажера. Надо подготовиться.

– Тогда завтра?

– Ну, давай завтра.

Игра заводила все дальше.

– Куда подъехать? Ты где живешь?

– На Герцена.

– Это где? Не знал, что есть такая улица. Везде только всякие Валиди, Гафури, Нигмати, Янаби, кто там еще? Удивляюсь, как в этот башкирский сброд затесался наш Пушкин и до сих пор цел, хоть и в самом центре.

Волков не страдал излишней любовью к людям, а пиетета к местным деятелям культуры и вовсе не испытывал.

– У черта на рогах. В Черниковке. Сюда ездила в «Медилаб» на платные анализы.

– Найду. Какой номер дома, к которому часу тебе удобнее?

– А можешь подъехать к «Будь здоров» к четверем?

– Что такое «Будь здоров»? Фитнес-центр?

Антонина Максимовна сыпала названиями, которых он никогда не слышал.

– Платная клиника в Зеленой Роще. У нас в районке не врачи, а коновалы. Завтра запи-салась на прием, пятнадцать тридцать.

– Хорошо, подъеду, куда надо, к шестнадцати часам, навигатор выведет. Но...

Волков, кажется, опомнился.

Перебрасываться словами было легко, итог мог оказаться необратимым.

В спокойной жизни вряд ли следовало что-то менять.

Мост еще не рухнул, все можно было спустить на тормозах.

– ...Но мама твоя не будет против? что к тебе явится... новый врач?

Оптимальным казался вариант, когда все рассосалось бы по внешним причинам.

– Мама сидит в своей комнате, в мою жизнь не лезет. Она нам не мешает.

II

1

От «*Будь здорова*» они ехали молча.

Белые стрелки на приборных шкалах замерли, новенький «*Гелендваген*» катился бесшумно.

Звучала ре-мажорная месса Сальери.

Антонина Максимовна сидела, слившись с коричневой обивкой салона. Вероятно, ей было не по себе от задуманного.

Хотя ничего особенного не предстояло.

Все разделились на женщин и мужчин лишь для того, чтобы время от времени соединяться.

Без этого терялся смысл жизни.

То, что они договорились по-деловому, без Пушкинских вздохов и Цветаевских всхлипов, было естественным.

Двадцать первый век ускорил темпы, сжал время; ходить галсами не осталось возможности.

Впрочем, последние размышления грешили излишней глобальностью.

Прикосновения нескромной частью тела к горячему животу лаборантки остались в несуществующем прошлом; да и лаборанткой Антонина Максимовна перестала быть.

Их вела практическая необходимость: ей требовалось лечение, он предложил свои услуги.

Каждый выбирал для себя.

Кроме того, в предстоящем сексе не было ничего сексуального.

Если бы они сошлись по-иному: сначала созвонились, потом встретились, где-то погуляли, подержались за руки, куда-то прокатились, поцеловались через селектор АКПП и совершили все прочее, предшествующее падению в постель – это показалось бы нормальным.

Сейчас речь шла не об удовольствиях, а всего лишь о гормонах.

По крайней мере, так стоило полагать.

И все-таки что-то царапало душу.

Волков косился на коленки Антонины Максимовны, поблескивающие капроном между распахнутых пол плаща.

Усталые, они не переживали ни о чем, однако оставались женскими коленками, за которыми распахивались врата рая.

Жену Волков любил и уважал как человека, за все годы брака не совершил ни одного некрасивого поступка по отношению к ней.

Но ситуация допускала Соломоново решение: гормоны он мог получить старым мальчишеским способом, слить в стаканчик, потом передать шприц.

Это успокоило, джип поехал бодрее.

2

Окраинный район, в городе именуемый «*Черниковкой*», был полупромышленным.

Здесь имелась лишь одна приличная улица – Первомайская, оформленная в стиле позднего Сталинского классицизма.

Открываясь пропилями из помпезных восьмиэтажек, она широко бежала под гору и напоминала что-то московское, хоть и уменьшенное до смехотворности.

Остальные кварталы были застроены кое-как.

Дом, стоящий среди серых тополей на углу прямой улицы Герцена и зигзагообразно-ломаной Кольцевой, был страшней, чем Навуходносор.

Двухэтажный, слепленный непонятно из чего, с дощатыми фронтонами и большими мелко переплетенными окнами, он прогнил насквозь.

Из облупленного фасада выступали то ли эркеры то ли балконы, обшитые все теми же досками, черн-бурыми от старости.

Фундамент ушел в землю; ступеньки крыльца вели не вверх, а вниз.

Зимой здесь наверняка стоял болотный холод, а летом – сырая турецкая жара.

И, без сомнения, круглый год досаждали комары.

В подъезде было полутемно, перилам ободранной лестницы не хватало балясин.

Где-то наверху раздавались отвратительные детские голоса.

Железисто несло самогоном; вероятно, его варили тут постоянно.

Квартира №1, куда привела Антонина Максимовна, занимала половину первого этажа.

У входа стояли какие-то ящики, мрачный коридор смотрел плотно закрытыми комнатами.

Лишь у дальнего конца падал мутный отсвет: там, видимо, была кухня со стеклянной дверью.

Веяло специфическим запахом жилища, в котором не предусмотрено ванных комнат, а горячая вода есть только из полуживой газовой колонки.

Просевший пол, казалось, источал миазмы подвала.

Трудно было представить, что в городе-миллионере, столице субъекта, украшенной сталагмитами московского пошиба, еще сохранились такие клоаки.

Щелкнул выключатель.

Под потолком вспыхнула желтая лампочка без абажура; от нее стало еще темнее.

– Тонюшка, это ты?

Дрожащий старушечий голос раздался откуда-то из глубины.

– Я, мама, я! – ответила Антонина Максимовна, с грохотом запирая замки. – Посиди у себя. Привела нового доктора, будет меня лечить.

Повесив куртку и разувшись, Волков прошел за хозяйкой.

Комната была огромной и напоминала мебельный склад, где некуда ступить.

Справа возвышался гардероб – громоздкий, как отколовшаяся скала.

В получившийся альков втиснулась деревянная кровать на ножках.

Она относилась к категории, которая в советские времена позиционировалась «*супружеской*», хотя была чуть шире современной полутораспальной.

Вероятно, конструкция грохотала, как ткацкий станок.

Красное покрывало резало глаз.

Сбоку поднимался ковер с красно-черным орнаментом.

На изголовье смотрело бра в форме тюльпана, шнурок отчего-то покачивался.

У стены примостился сильно поцарапанный журнальный столик.

Около него стояли два кресла – тоже советского образца, с лакированными боковинами.

Дальше тянулся еще один шкаф, книжно-посудный.

Остальное пространство заполнили кособокие стулья, тумбочки, еще что-то, вряд ли используемое в быту.

В торце раскинулось огромное окно, наглухо затянутое тюлем.

Слева от него открывался узкий проем без двери: то ли вход в смежную комнату, то ли выгороженная кладовка; там тоже виднелся какой-то хлам.

На единственной пустой стене висел классический гобелен «*Возок Наполеона*». Вероятно, тут когда-то стояла еще одна кровать, но ее увезли, а императора бросили умирать в немойтой России.

Внося последний штрих в неуют жилища, дрожал плотный дух лекарств.

Пузырьки и коробочки стояли на столике, на полках шкафа, даже на телевизоре, который темнел в углу.

Волков подумал, что от жизни в таком доме, такой квартире, такой комнате даже при наличии гормонов можно пасть в депрессию и повеситься.

– Садись, – сказала Антонина Максимовна

Он опустился в кресло.

– Обедать будешь? – продолжила она.

– Да нет. Спасибо, Ниночка, я уже пообедал.

На самом деле по пути в аптеку Волков подкрепился парой хачапури, перехваченных у ларька.

Они лишь усилили голод; сейчас он, по штампованному выражению, был готов съесть слона.

Но от мысли о здешней кухне, где наверняка несет канализацией, а на столе лежит заскорузлая клеенка, обедать расхотелось.

– Тогда кофе? Он, правда, старый, года три стоит, еще от зятя остался, я-то не пью, давление.

– Давай, – согласился он.

Даже старый кофе мог перебить лекарственную вонь, от которой замутило.

– Хорошо. Тогда пойду вскипячу чайник. Выпьешь на дорожку.

– Какую дорожку?

– Как какую? Ты меня привез, спасибо. Переведешь дух, сядешь в свою роскошную машину и поедешь дальше.

– О том, что машина у меня роскошная, не спорю, – Волков кивнул. – Но как это «*поеду*»? А... лечение?

– Какое «*лечение*»?..

Антонина Максимовна повернулась всем корпусом.

– ...Юрка, ты что? офонарел?

– Почему «*офонарел*»? – возразил он. – Нина? зачем сюда ехали вообще? Мы, кажется, обо всем договорились.

Сняв плащ, оставшись в черной юбке и белой блузке, бывшая лаборантка вновь сделалась привлекательной.

Бюст за минувшие годы стал еще более обильным, талия выглядела неширокой.

К тому же она где-то походя намазала розовым маслом, подходящим к нынешнему возрасту лучше, чем духи «*Инсолянс*».

Мысли о жене куда-то ушли, идея насчет стакана и шприца показалась глупой.

Дело стоило довести до точки.

– Разве нет?

– Бесстыдники мы с тобой! – она закрыла лицо руками. – Надо же до такого договориться! Слушай, давай считать, что пошутили. Я тебе налью кофе, и ты уедешь по делам.

Возможность все свернуть, не теряя хорошей мины, встала в полный рост.

Но сворачивать уже не хотелось.

Колени Антонины Максимовны казались красивыми; только дурак мог отказаться от обладания ею.

Живот, обтянутый черной юбкой, был прежним.

Волков почувствовал, что ему опять есть чем туда прижаться.

– Нет, Нина, – ответил он. – Не пошутили. То, зачем приехали, серьезно. Твое здоровье надо поправлять. Раздевайся и ложись. Буду тебя лечить.

Слова звучали искренне, искренними они и были.

Она ничего не сказала, только непонятно покачала головой.

– Раздевайся, – повторил Волков, нагоняя решимость.

– Сейчас разденусь...

Антонина Максимовна возвышалась над ним, не двигаясь с места.

– ...Только сначала схожу в уборную, покурю.

– А ты разве куришь?!

Сигареты никак не согласовались с прежним имиджем лаборантки, которая казалась образцом женщины без вредных привычек.

– А что мне еще делать? И курю и пью, и...

Не договорив, она шагнула прочь, исчезла за шкафом, скрывающим дверь.

3

Обоняние функционировало исправно.

Прошло не более двух минут, как перестали чувствоваться лекарственные запахи.

Да и сама комната уже не казалась слишком ужасной.

Волков бросил взгляд на застеленную постель.

Через несколько минут там предстояло соединиться с Антониной Максимовной.

Он ощутил себя в капсуле времени, где не осталось ничего, кроме данного момента.

Исчезли текущие проблемы вроде новых договоров, назревшего ремонта в квартире, очередного повышения платы за учебу сына.

Из оцепенения выдернул мобильный телефон, занывший в кармане пиджака.

Сигналы не были дифференцированы; Волков подумал, что его ищут с работы.

Но он ошибся.

Словно почувствовав ситуацию, звонила жена.

4

Кресло закрипело от рывка, с каким Волков поднялся.

Ничего особенного в разговоре не прозвучало; жена лишь спрашивала, может ли он к концу смены подъехать к ней в поликлинику, чтобы вместе прокатиться по строительным магазинам, посмотреть новые обои для гостиной.

Предложение было принято: Волков не сомневался, что с Антониной Максимовной управится быстро.

Однако, еще не спрятав телефон, он почувствовал отрезвляющий удар реальности.

Секс оставался сексом, даже если был организован в «*медицинских*» целях.

Даже вариант со стаканом оставался сомнительным, поскольку гормоны не могли извергнуться без желания, испытываемого в процессе.

Задуманное было недопустимым.

Оно оскорбляло жену, которая того не заслуживала.

Отсюда стоило уезжать – причем как можно скорее.

Ударившись об острый угол чего-то, стоящего посреди комнаты, Волков пробрался к выходу.

Дверь открылась сама собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.